Голос моего отца был нехарактерно спокоен. — Это не должно дойти до кровопролития, Тэйн Гранмир. Твои люди противостоят тяжелой пехоте и кавалерии.

Карлик, облаченный в серебристо-черные доспехи, замахнулся мечом в голову моего отца. Меч прошел совсем рядом, не дотянувшись до головы на добрых пять футов. Моя лошадь нервно вздохнула подо мной и сделала шаг назад. В первый раз это застало меня врасплох, но это был уже четвертый. Гномы, похоже, имели склонность говорить с помощью оружия, используя взмахи клинков, чтобы подчеркнуть свои слова или опровергнуть утверждения.

— Вставай, Гил. Хватит с нас твоих поборов. — Еще один взмах клинка в небо. Было похоже, что гном рисует, а его меч — кисть. — В этом году места раскопок и без ваших глупостей были достаточно скудны. Требуешь фиксированную сумму вместо процента? Что за вздор!

— Мы уже проходили это, Гранмир. — Отец нахмурил брови. — Как только налог становится процентным, твои доходы всегда уменьшаются, как будто драгоценные камни сами отращивают ноги и убегают от тебя.

— А ты называешь меня лжецом? — Гном оскалился. — Чего еще стоило ожидать от Клятвопреступника?

Я сморщился. Точнее, физически сжался, тяжесть моих доспехов сомкнулась вокруг меня, ожидая неизбежного всплеска насилия. Никто не называл моего отца так в лицо. Никто не называл его так вообще, опасаясь, что, как бы далеко он ни находился, сам ветер может донести до него эти слова.

Но мой отец не потянулся за мечом. Он даже не моргнул.

— Отлично. Если для тебя так трудно заплатить то, что ты должен, возможно, мы соберем твой долг другим способом. Повышение налогов для купцов, часто посещающих ваши города… и, возможно, пошлины на воду, привозимую с побережья. — Король Гил улыбнулся, и в его улыбке проявился оттенок злобного тирана.

Гном убрал меч в ножны. Его эскорт неловко зашевелился, что, похоже, свидетельствовало о скором завершении переговоров.

— Мы занимаем укрепленную позицию, — сказал Гранмир. Его голос был твердым. — Из этого каньона есть только один выход, Клятвопреступник. Ты заперт. Либо ты образумишься, либо испытаешь на себе последствия.

Я должен был почувствовать панику, но не почувствовал. Я слишком много раз видел, как подобное происходит. Нет. Это могло закончиться только одним способом.

Но как?

— Пожалуйста, передумайте.

Мой шлем ударился о нагрудник, когда я повернулся и посмотрел на него, потрясенный.

Когда в последний раз отец говорил кому-нибудь «пожалуйста»?

— Не надейся — Гранмир покачал головой. — Сдавайся.

— Этого не случится, — упорствовал Гил.

— Тогда да примут тебя черти, и да воспоет поле битвы твой реквием. — Гранмир повернулся и поскакал в сторону своего военного лагеря, его лошадь — какая-то аляповатая смесь пони и взрослой лошади, двигалась удивительно медленно для полной скорости.

Тревога начала ползти по моей шее. — Отец? — спросил я. Он никогда раньше не приводил меня на настоящую битву, только требовал, чтобы я смотрел.

— Замолкни, — сказал он. Его некогда спокойный голос был полностью вытеснен кипящей, бурлящей яростью.

Я наблюдал издалека, как наши войска начали продвигаться вперед. Нас было меньше, чем их. Когда мы покидали Уайтфолл, у нас было больше людей. Где были остальные?

Затем я увидел, как огромный участок стены каньона с обеих сторон обвалился, масса земли и камня рассыпалась на метательные снаряды, которые дождем обрушились на вражеский лагерь с обеих сторон. Они оставили после себя проход, и люди моего отца ринулись вниз с обеих сторон, совершенно синхронно с группой, наступавшей спереди.

Это был сокрушительный разгром. Даже мне, неопытному в военном деле, было больно смотреть, но невозможно отвести взгляд. Гномы были рассеяны, разбиты и зарублены тысячами.

Мне снова вспомнился Инхарион. Бессмысленное насилие. И в этот раз мой гнев превзошел страх.

— Почему? — спросил я его сквозь стиснутые зубы.

— Почему, что? — прорычал Гил. Он выковырял что-то из зубов и сплюнул на землю.

— Если бы вы сказали им, что окружили их, они бы сдались. Отдали бы то, что вы хотели. Но нет. Опять бессмысленное кровопролитие. — Ярость в моем голосе удивила даже меня. Я

расплачусь за неё впоследствии.

Отец окинул меня взглядом, не впечатлившись. — Твоя мать, должно быть, трахалась с конюхом. Ты не можешь быть моим.

Я опустил козырек шлема и потупился.

— Боги. Это никогда не прекратится.

Вдалеке я увидел Гранмира, прорвавшегося сквозь строй людей. Он направился к нам, высоко подняв меч.

— Возьми лошадь, — приказал отец. Лучник из его личной свиты выпустил стрелу. Она пробила грудь маленькой лошади, и та рухнула на землю. Гранмира подбросило, и он кувыркнулся через голову, как сломанная игрушка.

Лучник выпустил еще одну стрелу, но мой отец поднял кулак, чтобы остановить его.

— Неужели ты ничему не учишься? — спросил он меня.

Гранмир с трудом поднялся на ноги почти в ста футах от него. Он снова вытянул меч вперед и бросился в атаку.

— Есть смысл вести переговоры с врагом с позиции слабого. — Голос отца был холоден. Гном приблизился на достаточное расстояние, чтобы я мог расслышать его хриплый боевой клич за словами отца. — Можно многое понять. Пока эта слабость ложная. Она дает им надежду. И в этой надежде они покажут, как охотно готовы укусить руку милосердия.

Гном был уже в пятидесяти футах от нас. Мой отец слез с коня, отошел от меня и повернулся спиной к карлику.

— Что вы делаете? — спросил я.

Он продолжал, как будто не слышал меня. — В этом нет никакого смысла. Совсем никакого. Если бы я рассказал им, все повторилось бы снова. Только в следующий раз они нашли бы магов.

Гном присел и прыгнул к моему отцу, замахнувшись мечом, на этот раз с намерением убить. Мой отец поднял два пальца. Лучник выпустил тяжелую стрелу, которая пробила грудную пластину гнома. Он замертво упал на землю лицом вперед.

Глаза отца впились в меня. — У короля есть только одно применение милосердия, мальчик.

Чтобы уничтожить змей у себя под пятой.

Мое восхищение победой медленно угасало, когда стало ясно, насколько временной она была на самом деле. Эфира не желала говорить. Как бы ее ни расспрашивали и кто бы ее ни расспрашивал, ее молчание оставалось неизменным. Не было даже объяснений, почему она сделала то, что сделала, почему решила выступить против Совета и предать свой народ. Не было признания. В ее глазах не мелькнуло узнавания, когда я упомянул Тоту.

Я знал ее. Понимал ее. Это не было частичным неповиновением или банальным актом сопротивления. Эфира придерживалась тех же практических правил, что и раньше. Никакой дополнительной информации — потому что, если бы она сказала что-то полезное, информация могла бы быть передана мне через видение.

Это было так же раздражающе и неприятно, как и гениально, и эффективнее, чем она могла предположить. Когда мастер по проведению допросов, нанятый Гемоном, попытался использовать иллюзорную магию, чтобы принудить ее в последней отчаянной попытке, она упала, и из ее ушей, носа и глаз повалили клубы дыма.

Я отослал Неттари и ее семью, понимая всю тщетность попыток предотвратить грядущее.

Мы подготовились к битве, как могли. Ралакос использовал свое влияние, чтобы привлечь дополнительных инферналов из соседних обителей и даже вызвать нескольких мастеров, готовых покинуть Святилище.

В конце концов, это ничего не изменило. Какую бы сделку ни заключила с ними Эфира, она оставалась в силе, а сама сделка, таким образом, состоялась либо ближе к началу месяца, либо, что еще хуже, раньше. Демоны напали в конце месяца, как и раньше.

Единственное изменение, которое произошло от усиления анклава, заключалось в том, что Озра появился раньше. Теперь, когда я мог наблюдать за его сражениями, стало ясно, что его стихия — или, по крайней мере, та, которую Озра использовал чаще всего — связана с металлом. Он уничтожал целые полки воинов за считанные секунды, нагрудные пластины обрушивались на них же самих, воинов кололи и разрывали на части их собственные доспехи.

Демоны по-прежнему убивали невинных, оставшихся в городе. Только вместо того, чтобы убивать их в домах, они врывались в укрытия и измельчали их, как мясо через мясорубку.

Мясо. Мы все были мясом.

И что я делал?

Я наблюдал с крыши. Как трус. Это была идея Ралакоса, после того как он увидел, как строго Эфира придерживалась своей стратегии. Я наблюдал, как те, кого я обещал себе защитить,

умирали в океане бессмысленного насилия, вдали от багровых волн.

Я смотрел.

Смотрел, как Ралакос сразился с Озрой. Бой длился несколько минут и сравнял с землей церковь, прежде чем Озра поднял из-под обломков отрубленную голову Ралакоса и улыбнулся. Это была странная вежливая улыбка. Улыбка, которой можно было бы одарить товарища после дружеского состязания.

Наконец, меня заметил демон. Похоже, это был тот же самый демон, который расчленил меня в первый раз. Он бросился вверх по зданию.

Я влил ману в надпись на груди, и все вокруг стало беспощадно черным.

Я убеждал себя, что разница во времени весьма существенна.

Тридцать дней против десяти. С помощью знаний, полученных во время предыдущих перезагрузок, мне удалось предотвратить отравление Гемона и организовать поимку Эфиры на ранней стадии.

На этот раз я был более непреклонен в вопросе эвакуации мирных жителей. Всех. Большинство было эвакуировано. Но Ралакос отказался покинуть Анклав, как и Гемон. Это был их город, и они умрут вместе с ним. Я сказал им, что да, они умрут. Ралакос лишь улыбнулся мне и напомнил, что если их здесь больше не будет, то некому будет защищать вход в Святилище, а это, скорее всего, будет следующей целью асмодиалов после разграбления анклава.

Я старался все больше и больше, чтобы стать сильнее. Магия ветра значительно продвинулась вперед: Теперь удавалось создавать снаряды вдвое сильнее демонического огня и поднимать животных размером с кошку.

Я занимался магией так усердно, как только мог, изучал демонический и самих демонов. Перестал спать. К концу месяца мои легкие галлюцинации превратились в настоящие разыгравшиеся фантазии. Я видел, как асмодиалы нападают три раза, прежде чем они действительно напали.

Бой с Озрой длился дольше, чем в первый раз, продлившись с двух минут до пяти. Гемон был талантливым магом земли и мог помогать Ралакосу, разрывая мощеные дороги он получал огромные груды земли.

Но Гемон был медлителен, и огромный демонический медведь, которого он призвал, когда Озра полетел к нему, тут же струсил, отчего фиолетовый инфернал оказался размазан по земле от единственного удара. Вскоре после этого Ралакос пал в ослепительном светопреставлении.

А я наблюдал, как мои попытки заставить их эвакуироваться провалились.

Вновь

И я наблюдал, как каждая отчаянно задуманная стратегия и навязчиво выверенная тактика рушилась перед лицом неумолимой силы.

Вновь

И я смотрел.

Вновь

Это стало ощущаться по-другому. Стало труднее возвращаться. Как будто огромное черное чудовище вцепилось в меня. Я кричал на него, умолял дать совет, облегчение, хоть какую-то подсказку, как, во имя богов и ада сделать что-то против этого, этого громадного, черного ангелоподобного демона, убивающего одним щелчком пальцев.

Вновь.

Я потерял себя. Прошли месяцы с тех пор, как я спал. Я больше не знал, какой сегодня день, кроме того, что это был первый день, и что время не имело никакого значения, я не имел никакого значения, всё было круговоротом света и тьмы, и вновь и вновь кровь забрызгивала мостовую, и вновь и вновь, это уже было слишком, боги мертвы, а дьяволы бродят на свободе, Эльфион, всё, чего я хочу, это пить и шлюх, вернуться в то время, когда всё это не имело значения, а ощущение вины было уделом других, время не имело значения, потому что перемены были иллюзией, один человек никогда не мог надеяться изменить хоть что-то, потому что таков был мир, в котором я жил, пожалуйста, пусть это прекратиться…

Вновь.

Я уснул. Разум просто отключился.

Когда я проснулся, то был в пещерах на поверхности.

Это дошло до меня, так же ясно и сильно, как утренний колокол. Я прижал руки к голове и засмеялся. Смеялся до тех пор, пока смех не перешел в рыдания и снова в смех. Решение все это время было прямо передо мной.

Это не будет стоить мне ничего. Это будет стоить мне всего.

http://tl.rulate.ru/book/77890/2516627